

Илья Муромец (9)

А во славноём во рíмыскоём царьсви,
А во той ли деревне Карачарове,
У чесных у славных родителей, у матери
Был спорóжен тут сын Илья Иванович,
А по прозванью он был славной Муромець.

А не имел Илья во ногах хоженъиця,
А во руках не имел Илья владеньиця;
Тридцать лет его было веку долгого.
Во етоё во летушко во красное
А уходила родная матушка да батюшко
А на ту ли да на работку на тяжелую,
А оставался Илья да единешенек.

А сидит-то Илья, да Илья Муромець;
А приходили ко Ильи да три старчика:
— А уж ты стань, Илья, да Илья Муромець,
А ты напой-ка нас, да голоднешеньких,
А ты накорми-ко нас да сытешенько!

Ай говорил Илья да таковы слова:
— А накормил бы вас да сытешенько,
А напоил бы вас да пьянешенько,
А тридцать лет веку долгого
А у меня нету в ногах ли хожденъиця,
А во руках у меня нету ли влаженъиця.

А говорили ли старци прохожиин:
— А уж ты стань, Илья, да Илья Муромець!
А ты стань-ко, напои да накорми нас ты, жаждущих.

А отвечал Илья да таковы слова:
— А уж я рад бы стать на белы́ ногы́, —
А у меня ноги есь, руки есь, —
А у меня ноженьки не владеют ли,
А у меня руценьки да не владеют ли,

А в трéтьей након говорили ему старци ли:
— А уж ты стань, Илья, да Илья Муромець!
А во ногах есь хождёнъицё,
А во руках есь у тя влажёнъицё.

А тут ли стал Илья да на резвы́ ногі,
А крестил глаза на икону святых оцей:
— А слава да слава, слава господу!
А дал господь-бог мни хоже́ньице́,
А дал господь ми в руках ли влаже́ньице́.

А опустился ён во подвалы глúбоки,
А принес ли он цяру полную:
— А вы пейте-ко, стар(и)ци прохожи!

А ёны́ попили стар(и)ци прохожи:
А сходи-ко ты, Илья, в погреба славны глúбокии,
А принеси-ко ты цярушку полнешеньку,
А ты выпьешь сам на здра́виё!

А ён принес ли цяру полнешеньку:
— А ты пей-ко ли, Илья, да на здорóвьице́,
А ты кушай-ко, Илья, да на сибе ли ты!

А ён выпил ли цярушку полную.
А спросили его стар(и)ци прохожи:
— А уже что же ты, Ильюша, в сибе чувствуешь?
— А я цюствую ли силу великую:

А кабы было колецько во сырой землі,
А повернул ли земёлышку на ребрышко.

Ай говорили тут старцы таковы слова:
— А ты поди-ко в погреба славны глúбокии,
А налей-ко ты цярушку полнешеньку!

А принес ён цяру полнешеньку.
— Ай уж выпей-ко цяру единёшенёк!

А уж выпил ён цяру единёшенёк.
— А топере, Илья, что ты цюствуешь?
— А нунь у меня силушка ли спáла ли,
А с(ы)пáла у мя сила в половинушки.

Ай говорили стар(и)цы прохожи:
— А ведь и живи, Илья, да будешь воином!
А на зимли тебе ведь смерть буде не писана,
А во боях тебе ведь смерть буде не писана!

А благословили ёны́ да Илью Муромца,
А распростились с Ильей да пошли ёны́.
А Илья как стал владеть рукамы, ножкамы,
А в избушки ли сидеть ему тоскливо ли, —
Ай ён пошел на ты поля-луга зеленыи,

А где его были родители сердецьнии.

А пришел ён ко славной Непры́-реки́:

— Бог вам помощь, родная матушка,

А бог ти помощь, родной батюшко!

А ёны́ да тут да удивилисе,

А ёны́ да тут да ужахнулисе:

— А уж ты, цядо, цядо милое,

А слава, слава да слава господу,

А господь-бог ти дал хожденьице,

А господь ти дал в руках влажденьице!

А ён и налез ли дубыки подергивать,

А во Непру́-реку стал покидывать,

А накидал Непру́-реку́ дубов ли он,

А вода в реки худо побежала.

А говорили тут отець с матушкой:

— Ай же ты, мое цядо милое,

Ай господь ти бог дал силу великую!

А живи как ты да поскромнешеньку,

А не давай ретиву́ серьцю волюшки!

А пришли ли оны во деревеньку;

А говорил ли Илья да отцю-матушке:

— А уж ты, батюшко да и матушка,

А вы давайте-ко благословэньице,

А вы дайте-ко вы прощёньице

А мне-ка съездить во Киев-град

А ко солнышку ко князю ко Владимиру,

А во тьи мне во церкви богомольныи,

А помолитсье-ко той ли богородици!

А отець и мать-то его уговаривать:

— А уж ты, цядо, цядо да цядо милое,

А мы только видели свету, свету белого,

А мы не видели свету целу полвеку.

Ай говорил Илья да таковы слова:

— А уж вы, мои сердецьные родители,

А уж дайте мне да благословэньице,

А уж вы дайте мне-ка покорэньице!

Говорила тут родна матушка:

— А уж поедешь ты ли, цядо нашо милое,

А ты во славной да во Киёв-град,

А не кровав сабли кровавоей,
А не сироти-ко ты ли ты да малых детушек,
А не бесчести-ко ты да молодѳих жон!

Ай выводил он утром ранешенько
А своего коня-то, коня сизобурого
А на тую ли он денку¹ на ранную:
— А уж ты, Сивушко мой да белогривушко,
А ты котайсе-ко на роске на рѳнної,
Чтобы шерсть-та у тя сменяласе,
Чтобы силушка в тебе прибавляласе,
И ты служи-ко дѳбру мѳлодцу
А на цистѳм поли разѳезживать,
А через стеноцьки городѳвыи перескакивать!

А тут Илюшенка да справляитсе,
А он во путь снаряжаитсе:
— Ах вы, мужицьки церниговски,
А где дорожка-то есь прямоезжая?
— А уж ты, славной наш и молодой ли ты,
А молодой Илья, да Илья Муромець!
А тридцать лет, как дороги прямоезжей нет:
А сидит там Соловей-то Рахмѳновиць,
А его гнездо да на семи дубах,
А на семи дубах да на семи верстах.
А что ль удалых добрых молодцев не ездило,
А никакой оттуль не возвращается.

А тут поехал Илья по дорожки прямоезжией;
А рукой коня ведет, другой мостит дубовые
А все ли ты мостики каленые,
А иде все вперед, вперед двигаетсе.
А под(ы)жал тут Илья Муромець
А ко тем мужицькам-карачаецям;
А ёнѳ каютсе все да причащѳютсе:
— Ай же вы, мужицьки да карачаевци,
Вы цего вы нуныче не чулѳкаетесь,
А чего же каетесь-причащѳаетесь?
— Ай заезжий славной мѳлодець!
Хоть приехал поганое Индѳлищѳо
А со своею силою великою:
А у его силы сорок тысяцей.

А он кругом вобъехал стенки городовой,
А у нас некому с им да заборониться,
А у нас некому с им да подратисе.

Ай говорил Илья таковы слова:

— А не велела мне да рódна матушка
А кровавить ли сабли ли вóстроёй,
А не сиротать мне-ка малых детушек, —
А быти мне-ка посиротать малых детушек,
А быти мне-ка — молоды́их жен.
А ведь надо постояти за веру верную,
А за тыи ли за церкви за соборныи!

А тут взял ён, сел ён на добра́ коня,
А поезжал к шатру да белополóтняну.
А с(ы)пит тут проклятоё Удóлище.

А говорил ён таковы слова:

— А уж ты стань, проснись, да что ты есь такой!

А ён спустил коня ко пшенице белояровой,
А конь пришел отпихал ёгó.
А пошел ли конь по цисту́ полю.

А тут стал и проклятоё Индóлище:

— А уж ты, малый же [с]комарóшина,
А у шатра ты распорядися,
А я сейчас, как стану, тебе вот покажу дружбу́!

А и говорил Илья да таковы слова:

— А не изыман сокол, не тереби его,
А не изыман, так не лови его!

А ён стал ли ён на резвы́ ногí, —
А у его ли да голова, да как котел большой,
А меж глазами будто пивные бутылочки.

А говорил ли ён да скоморошини:

— А какой же ты поединщик мне?
Как ты, на́ руку кладу да другой прижму —
Да с тибя ведь и блин ы тут!

Ой говорил Илья да таковы слова:

— А не тереби-ко да впереди себя,
А заседывай-ко ты добра́ коня,
А мы пойдём с тобой да на цистó полё,
А ведь тут мы силушку узнаём ли!

А тут сед(ы)лал коня́, да ко́ня доброго,

А сядилеса они да на добрых коней,
А разъезжали да на т(ы)ри версты,
А на три версты, на три поприща.
Поразъехались да добры молодцы.
Как ударил его да в голову, —
А раскокалась голова да у Удóлища;
А тут ён и пал со добра коня,
А зафатил Удóлища ён за ноги.
А поехал по силушке помахивать,
А куды махнё — туда улушка,
А перемахнёт — переулочёк.
А не прошло ли времени ли три цясá, —
А в поле-то слова-голоса нет цёловицьего.
А подъезжал ён к мужицькям-карачаевцам:
— Ай вы, мужицьки-карачаевцы,
А вы живите-ко да нунь да со спокоюшком,
А вы скажите-ко дорожку да прямоезжую!
— Ах ты, доброй удалой, доброй мóлодецъ,
А ведь нету т(ы)ридцать лет там;
А сидит ли Соловей-то Рахмáновиць,
А не пропус(и)тит прохожего,
А не пропус(и)тит ли проезжего,
А не пролётят ни вол(о)ки,
А никаки з(и)вирья туды не прóскочат.
А тут поехал Илья той дорожкой прямоезжую;
А ён дубы на мосты мостит.
А подъезжал к гнезду да Соловьиному.
Ай замузгáл-застонул во целбй голбс, —
А у Ильи ли конь да на колена пал:
Ай говорил Илья да таковы слова:
— А уж ты, волчья сыть да пеловой мешок,
А видно ты ли не бывал на белóm, на белú светú,
А не слышал ты рыкочки звериноёй,
А не слышал ты шипочки славной змеиноёй!
А говорил Илья да таковы слова:
— Ай ты ли, проклятое Индóлище,
А ты повыстроил широкохонькё,
А ты опустился у меня да понизехонько.
Ай натянул ён лук, стрелу калёную,

Ай ён спустил ему да [в] пра́во у́шко ли.

А вышла ли ему [в] глазушко, —

А слетел Соловей на сыру землю.

Ай захватил Соловия ён за ноженьки,

А привязал ко стремени славной кони́ной,

А привез ён к жилищу Соловьиному.

А подъезжал ён к жилищу Соловьиному,

А его там глядит семья в окну́:

— А слава да слава, слава господу,

А наш-то батюшко идё, мужика везё!

А поглядела тут да рódна матушка:

— А вы, детушки да мои рódные,

А мужик-то идё да отца везё,

А везё отца да не по-путному.

А отворяйте-ко воротушка широкии,

А запускайте-ко гостя во славной терём!

Подъезжал ли ён ко гнезду да Соловьиному,

А ко воротам ко тым ко славным, —

А выходила его стар(ы)шя́я тут дочь.

А отворила ворота широкии,

А поды́нула подворотенку тяжелую,

А хотела Илью ударить по буйной да головы́.

А Илью-то было ли смерть не писана:

— Ах ты, проклятая ты Индóлищо,

Разве так гостей дожидают, Индóлищо!

А разве так и да стретают ли?

А схватил Илья да за резвы́ ногы́,

Да бросил Илья да о кирпичцят пол, —

А голова у ней вся да развалиласе.

А ён зашел в гнездо да Соловьиное,

А Соловьиное в его богатое.

А ён руку жмет, дак руку и вон,

А за́ ногу — нога и прочь,

А ён всих их прибил и приломил тут.

А опять садилсе да на добра́ коня,

А привязал Соловья ён ко стремёнушке,

А ён поехал тут да во Киев-град.

А под(ы)ехал ён ко с(ы)лавному ко князю ко Владимиру:

— А уж ты, солнышко князь да стóльнё-киеськой,

А пригласи-ко ты меня да на поцестен пир!
— А уж пожалуй-ко, дятинушка-засельщинка,
А уж пожалуй-ко, молодчик-деревеньщинка!
А ты какого есь роду-племени?
— А я из города славна из Мурома,
А с деревни есть с Карачаёвой,
А я — названой сын Илья Муромець.
— А пожалуй-ко, заезжий доброй мóлодецъ,
А во мои ли ты полаты белокаменны!
А ты каким нунь путем ехал, господь-то нес?
— А я ведь ехал ли дорожкой прямоёзжоёй,
А я ведь ехал ли дорожкой прямохóжоёй.
— Тридцать лет ли дороженьки ведь не было:
А ведь там сидит Соловей да Рахмáновиць,
А ведь сидит ён да на дубах да на семи ён верстах.
— А уж ты, солнышко князь стóльнѣ-кíевской,
А пойдíм-ко, дак я тебе скажу
А про Солóвьюшка да про Рахмáнова.

А поили, попили, покушали,
Ай говорил сол(ы)нушку князю стóльнѣ-кíєському:
— Ай вести ли в палаты белокаменны
Ай этого проклятого Солóвьюшку?
— А приведи в палаты белокаменны,
А покажи Соловья да ты Рахмáнова!

А приводили в палаты белокаменны.
Ай говорил и тут солнышко князь да стóльнѣ-кíєськой:
— Ай уж ты, Соловей да й Рахмáновиць,
А ты сидил ли всё да супротивником,
А ты прибил ли сколько головушек безвинных,
А ты бесчестил да и молодых жон.
А попал ты, да Соловей, на дóбра мóлодца,
А привез ли тебя да во Кíев-град.
А засвищи-ко ты, а Солóвьюшко!
— А ты не можешь мной распорядитисе,
А не ты меня привез, не тебя слушать.
А хто привез, дак доложóн того!

Ай говорил ту солнышко князь да стóльнѣ-кíєськой:
— Ах ты, Илья, да Илья Муромець,
А ты вели-ко ему да замузгать ему во целой свист!

— А уж ты, солнышко князь стóльнѣ-киѣсьской,
А вы подвиньтесь ко мне да поблизехонько,
А зафацю я вас да коротехонько,
А прикажу ли я ёму да посвистать в пóлсвисту,
А прикажу ли да славно-то помозгáть в пóлмозгу.

А говорил Илья да таковы словá:

— А засвищи-ко ты, проклятое Индóблищо,
А только в пóлмозгу да только пóлсвисту!
Ай засвистал тутá ли ён в пóлсвисту,
Ай замызгáл да ён да в пóлмызгу,
А говорили — околенки посыпались,
А князь с княгиной — да раскаракою,
А Илья Муромец да поддярживат,
А тут и много ума лишилося.

Ай говорил князь да таковы слова:

— А уж ты, добрый удалый мóлодецъ,
А Илья ли ты с(ы)лавной ты Муромецъ,
А ты казни ёго, проклятого Удóблища,
А чтобы не было пáмести,
А чтобы не шла про его слава великая.

А тут фатил Илья да за резвы́ ногí,

А ударил ли его трупушку о корпитов пол, —
А разлетелось на дребезги;
А ён собрал его ли в кучу великую,
А ён наклал ли дров ли огня горящего,
А сожгал его да на цистóм поли́.
А ведь тут слава прошла, —
А Илью-то Муромця прославили.

(Записано Б. М. Соколовым, В. И. Чичеровым и В. И. Яковлевой 9 июля 1928 года в деревне Семеново на реке Шале Пудожского района от Павла Егоровича Миронова, 58 лет.)

1 Обеденку. (Прим. собирателя).

Онежские былины. Подбор былин и научная редакция текстов акад. Ю. М. Соколова. Подготовка текстов к печати, примечания и словарь В. Чичерова, М., 1948.